

Малороссия и малороссияне в Российской империи в XVIII в.: стратегии интеграции

При попытке оценить действия властей Российской империи первой половины — середины XVIII в. в области культуры велика вероятность представить разнородные и временами случайные события в качестве единой целенаправленной политики какой-либо политической или социальной группы, определяя, какие интересы были существенными для нее, а какие — нет. Опасной тенденцией может быть и модернизация событий XVIII в., обнаружение в них проявлений «империализма», «колониализма», «национализма» или же отсутствие «толерантности», «мультикультурализма» или «демократии» в современных значениях этих слов.

Рассматривая национальную культуру как некий набор ранжированных черт, свойственных малороссийской / украинской / казацкой и т. д. традиции в XVIII в., исследователь сталкивается не только с собственным субъективизмом, но и с проблемой множественности путей эволюции любого исторического явления.

Наконец, в XVIII в. большая часть культурных институтов (театры, музеи, библиотеки, памятники, система высшего образования и т. д.) находилась в начальной стадии становления. Реконструируя национально-культурную специфику Малороссии XVIII в., исследователи анализируют этнонимы и политонимы, политические идеи, историческую память, язык, литературу и религию, а также все, относящееся к политико-правовой сфере: правовую систе-

му, основанную на Литовском статуте, слияние военной и гражданской администрации в форме гетманата, сословное членение общества¹. Другие ученые акцентируют внимание на особенностях менталитета и «духа нации»: национальном самосознании, чувстве национального единства, «государственной культуре нации», «духе политических субъектов», проявлениях морального императива и пр.², направляя исследование в философско-культурологическое русло.

В настоящем очерке статье автор ставит перед собой задачу не только охарактеризовать основные направления национально-культурной политики Российской империи в Малороссии, но и описать существовавшие конкурировавшие между собой социальные группы, которые в разной мере сознавали, разделяли и ценили черты т. н. национальной культуры, в какой мере они подвергались воздействию со стороны органов центральной власти и как реагировали на это воздействие, а также оценить эффективность инструментов влияния политических институтов Российской империи.

Объектом нашего исследования будет политика имперских властей преимущественно в отношении земель гетманата, поскольку только они обладали политической автономией и могли претендовать на особое отношение в рамках многонационального Российского государства, а затем и империи.

¹ Козут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної і модерної історії України. Київ, 2004. С. 80–101; Богачева Л.В. Культурные традиции как ресурс сохранения и поддержания национально-культурной самобытности: на материалах Малороссии второй половины XVII–XVIII вв.: Дис. ... канд. культурологии. М., 2006.

² Липинський В. Україна на переломі 1657–1659 рр. Відень, 1954. С. 39, 126, 187, 246.

Административно-территориальное и сословное устройство украинских земель в XVIII веке

В XVIII в. украинские земли не составляли единого целого. С середины XVII в. они были разделены по Днепру между Речью Посполитой и Россией, исключением являлся правобережный Киев с окрестностями, отошедший к России «Вечному миру» 1686 г. Большая часть земель Правобережья была включена в состав Российской империи только после второго раздела Речи Посполитой (1793).

Левобережье также характеризовалось отсутствием административного единства, причем его региональное членение отличалось крайней неустойчивостью. Земли «гетманского регимента», или Малороссии, включали такие города, как Новгород-Северский, Стародуб, Чернигов, Нежин, Батурин, Глухов, Гадяч, Сорочинцы, Козелец, Переяслав, Лубны, Прилуки и Погар. В течение всего XVIII в. гетманат неоднократно подвергается реформированию, однако его административные границы остаются ненарушенными вплоть до 1764 года, когда Полтавский полк был включен в состав не Малороссийской, а Новороссийской губернии.

Южные полупустые земли, граничащие с Крымским ханством, контролировались запорожскими казаками. Запорожье относительно поздно оказалось в составе Российской империи: формальное присоединение относится к 1733 г., а с 1750 г. Запорожская Сечь переходит в подчинение гетманской администрации³. Как поселение и административная единица Сечь была ликвидирована Екатериной II в 1775 г.

Слобожанщина, заселенная выходцами с северных и западных земель, складывалась вблизи Белгородской засечной черты и прирастала за счет Дикого Поля (погра-

³ Кондрико А.В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в середине XVII — конце XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 107.

ничной территории между Россией и Крымским ханством). Хотя эта территория и имела региональные особенности, сближавшие ее с гетманатом, но она относилась непосредственно к Российскому государству и в XVII в. находилась под управлением Разрядного, а не Малороссийского приказа. В Слободской Украине была создана полковая система, аналогичная малороссийской, включавшая пять полков: Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогжский, однако следует подчеркнуть, что эти полки подчинялись белгородскому воеводе, а не гетману.

Наконец, в 1752–1764 гг. между гетманатом и Запорожьем образуются Новая Сербия и Славяносербия, заселенные преимущественно выходцами из Сербии и Валахии, а также создается Новослободский казачий полк. В 1764 г. на этих территориях была учреждена Новороссийская губерния.

В начале XVIII в. сословная стратификация Малороссии включала духовенство, шляхту, казачество, жителей самоуправляемых городов, а также крестьян и обитателей частновладельческих поселений, подавляющее большинство которых было лично свободно.

Население Малороссии подчинялось власти гетмана, который совмещал функции военного и гражданского администратора. Весь гетманат был разделен в соответствии с воинским членением на полки (Стародубский, Черниговский, Нежинский, Прилуцкий, Киевский, Переяславский, Лубенский, Гадячский, Миргородский, Полтавский). Высшим органом власти считалась Генеральная рада, на которой присутствовали не только казаки, но и представители духовенства и городов. К XVIII в. созыв Генеральной рады практически прекратился, ее функции перешли к собираемой несколько раз в год Раде старшин и к постоянно действующей Раде генеральной старшины, состоявшей из 7 человек и выполнявшей функции совещательного и исполнительного органа при гетмане.

После восстания Б. Хмельницкого значительная часть шляхты была изгнана с территории Малороссии, а функ-

ции политической элиты перешли преимущественно к казацкой старшине. З. Когут показал, что уже к XVIII в. процесс самоорганизации в «Знатном военном товариществе» (укр. — Значном войсковом товаристве) завершился выделением трех иерархических уровней: бунчукового, войскового и значкового, из числа которых происходило замещение вакантных должностей генеральной (войсковой), полковой и сотенной старшины соответственно⁴. Молодость политической элиты Малороссии препятствовала ее признанию со стороны властей Российской империи. Так, в 1731 г. Сенат утверждал, что «в Малороссии дворян нет», и на этом основании запрещал поступление детей малороссийской старшины в Шляхетский кадетский морской корпус. Спустя два года был поднят вопрос об установлении соответствия между малороссийскими и великороссийскими чинами, но он был «отложен». Неслучайно в первой трети XVIII в. в Великороссию выезжали преимущественно духовные лица, а также лица, не рассчитывавшие на успешный карьерный рост: учителя, переводчики, типографы, художники.

Города с системой самоуправления, основанной на магдебургском праве, частично сохранили свои привилегии и в составе Российской империи, и в XVIII в. подчинялись непосредственно монарху в лице его представителя — киевского губернатора.

Все духовенство подчинялось власти митрополита Киевского, за исключением некоторых ставропигиальных монастырей, зависевших непосредственно от патриарха Московского, а с 1721 г. — Святейшего Синода. Однако начиная с середины XVII в. в Малороссии все сильнее проявлялся кризис власти. В церковной жизни он выражался в стремлении монастырей приобрести право ставропигии, а также в желании отдельных архиереев вывести свои диоцезы из состава митрополии и перевести их в прямое подчинение патриарху и Святейшему Синоду, но самым распространен-

⁴ Когут З. Коріння ідентичності. С. 47–48.

ным проявлением кризиса были многочисленные жалобы. Царь, патриарх, а затем и Синод регулярно получали из Малороссии доносы на начальство и просьбы вмешаться.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении светских органов власти: киевскому воеводе, Малороссийскому, Посольскому и Тайному приказам, а также их правопреемникам постоянно приходилось разбирать жалобы: духовных лиц — на казаков и города, отдельных горожан и целых городов — на злоупотребления казацкой старшины и духовных лиц; казачьей старшины — на интриги гетмана, а тот в ответ просил не обращать внимания на жалобщиков: «Господину генерал-губернатору киевскому и комендантам, по гарнизонам в Малой России будучим, да повелит Ваше Императорское Величество до судов и правления малороссийского не вступаться и указов никаких от себя до старшины малороссийской не засылать — всепокорнейше просим»⁵.

Сутяжничество было отличительной чертой правовой системы Речи Посполитой, и Малороссия унаследовала ее в полном объеме, но в отсутствие в России развитой судебной системы весь поток кляуз обрушился на исполнительную власть. Именно необходимость постоянно вмешиваться в дела автономной Малороссии была одним из, по меньшей мере, поводов для сокращения размеров этой самой автономии⁶. Объем потока жалоб прямо не зависел от способа управления Малороссией, однако на протяжении XVIII в. наблюдается его постепенное снижение.

Как показало дело гетмана И. Мазепы, не все доносы были ложными, таким образом, наведение порядка в управлении Малороссией и установление действенного контроля над ее политической элитой вошли в список приоритетных задач России. С 1709 года в гетманской ставке

⁵ *Скоропадский И.* Пункты во всемилостивейшее самого Императорского Величества рассмотрение и решение, 1722 г. См.: *Маркевич Н.А.* История Малой России. В 5-ти т. М., 1842–1843. Т. 3. М., 1843 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/200434-istoriya-maloj-rossii-3.html> (дата обращения: 11.01.2018).

⁶ Подробному анализу процесса сокращения прав автономии в российско-украинских договорах посвящена диссертация: *Баранова О.В.* Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2002.

появились постоянные резиденты, «государевы министры», следившие за благонадежностью старшины и осуществлявшие регулярный обмен посланиями между Глуховым и Санкт-Петербургом. Я.А. Лазарев показал, что, вопреки широко распространенному мнению, в первой четверти XVIII в. эти чиновники не обладали полномочиями исполнительной власти и не имели заметного влияния на расстановку сил в гетманате. По Наказу, подписанному канцлером Г.И. Головкиным 18 июля 1709 г., резидент должен был «обще с господином гетманом» следить за проявлением изменнических настроений со стороны возможных агентов гетмана Мазепы и Запорожской Сечи, но «в деятельности резидентов заметную роль играла не слежка за деятельностью гетмана и казацкой элиты, а выстраивание неформальных отношений с ними, в том числе доведение их личных интересов до высших кругов Российского государства. Также резидент являлся посредником в лоббировании интересов сильных “великороссийских” персон. Написанные резидентами аналитические обзоры особенностей местной политики не воплощались в какие-либо серьезные политические решения»⁷.

С 1717 г. Петр I начал выстраивать единообразную систему функционирования государственных органов в Российской империи и заменять устаревшую систему приказов коллегиями. Начало этому процессу было положено еще в 1708 г. и стало, как утверждают некоторые историки⁸, одной из причин перехода гетмана Мазепы на сторону Карла XII. Аналогично другим российским губерниям, 18 декабря 1708 г. учреждалась Киевская губерния, в которую была включена не только Малороссия, но и Слободская Украина⁹. В обязанности губернатора, кроме того,

⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории. Ч. II. М., 1859. С. 228–230.

⁸ Тацрова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. М., 2011.

⁹ Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // Логос. 2005. № 1 (46). С. 65–101. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/03.pdf> (дата обращения: 24.04.2018).

входило управление российскими воинскими подразделениями, размещенными в крепостях шести малороссийских городов (Киева, Нежина, Переяслава, Чернигова, Полтавы — городов на магдебургском праве — и Переволочны), обеспечение охраны государственной границы, розыск и поимка крестьян, бежавших из Великороссии, а также контроль за раскольничьими слободами в Черниговском и Стародубском полках. Над Войском Запорожским и «пополитыми» губернатор власти не имел. Как убедительно показал Я.А. Лазарев¹⁰, функции губернатора ничем не отличались от обязанностей воевод конца XVII в., и они не предполагали каких-либо возможностей для осуществления культурных преобразований.

25 мая 1719 г. был подписан новый указ о введении гражданского административного деления, единого для всей страны. Следует подчеркнуть, что проведение административных реформ в Малороссии не форсировалось. Малороссийская коллегия была создана одной из последних, в 1722 году, только после смерти гетмана Ивана Скоропадского, и отличалась от других коллегий. Она подчинялась Сенату и состояла из 8 русских офицеров и была призвана сократить поток жалоб в центральные органы власти. С этой целью в ее ведение были переданы наиболее болезненные направления внутривластной деятельности: право апелляционного суда по решениям всех казацких судов, в т. ч. Генерального, а также ратушных судов; право контроля за сбором натуральных и денежных налогов; право рассмотрения дел о злоупотреблениях казацкой старшины и сборщиков налогов. Учреждение Малороссийской коллегии было продиктовано стремлением и упорядочить функционирование высших органов власти, и расширить возможности контроля, поскольку гетману¹¹

¹⁰ См.: Лазарев Я.А. «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

¹¹ Наказным гетманом стал Павел Полуботок, но его избрание не было подтверждено Петербургом. После его ареста и смерти в 1724 г. избрание гетмана не проводилось, однако и должность гетмана не отменялась.

и генеральной старшине было запрещено издавать любые важные указы без визы коллегии. Кроме того, коллегия должна была следить, чтобы все императорские и сенатские указы регистрировались в Генеральной канцелярии, а указы гетмана подписывались именно им, а не от его имени. Комиссия должна была действовать на основе «договорных пунктов Б. Хмельницкого и других гетманов», то есть в соответствии с уже сложившейся системой отношений. Таким образом, комиссия не могла приносить ничего нового и служила лишь исполнителем воли императора.

12 мая 1727 г., с целью повышения популярности молодого Петра II, правительство А.Д. Меншикова разрешило избрать гетмана «ко удовольствию тамошнего народа ... во всем по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской империи вступил», а затем распустило коллегия и восстановило объемы власти киевского воеводы и императорского резидента. Как отметила О.В. Баранова, это не изменило общую атмосферу российско-украинских отношений: «Правление Петра I стало переломным моментом в позиции российского руководства относительно украинской автономии, этапом, когда договорный принцип отношений сторон уступил место “указному”»¹².

Назначение гетманом Даниила Апостола вывело борьбу за власть среди представителей казацкой старшины на новый уровень, поскольку теперь малороссийская элита ориентировалась на российские политические идеалы и иной уровень благосостояния. За 7 лет правления гетмана междоусобицы, развал системы управления и стремление старшины к личному обогащению настолько подорвали боеспособность казацкого войска, что это прямо угрожало безопасности империи¹³. После смерти Даниила Апостола правительство Анны Иоанновны вновь попыталось

¹² Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв. С. 220.

¹³ Белашов В.И. Правление «Гетманского уряда» в левобережной Украине (1734–1750 гг.) // История и археология. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/08/2336> (дата обращения: 24.04.2017).

установить действенный контроль над гетманатом. С этой целью было создано Гетманское правительство, которое формально должно было действовать до назначения нового гетмана, однако явочным порядком откладывалось на неопределенный срок. Для того чтобы снизить уровень недовольства малороссийской политической элиты, в правительство были включены три представителя конкурирующих старшинских группировок — генеральный судья М. Забела, генеральный есаул Ф. Лысенко и генеральный подскарбий А. Маркевич — и трое великороссов: резидент (называвшийся теперь правителем), представитель командования российскими войсками и гражданский администратор, отвечавший за сбор налогов и выдачу жалованья. Клановая борьба внутри политической элиты, недовольство казацких низов старшиной и взвешенная политика центральных властей привели к тому, что «временное» Гетманское правительство успешно просуществовало 16 лет и было отменено только под давлением «малороссийской партии» при дворе императрицы Елизаветы Петровны¹⁴.

Императрицу Елизавету можно обвинить в излишнем покровительстве семье Разумовских, но она никогда не принимала скоропалительных и опрометчивых решений. Гетманом был назначен человек, полностью зависевший и от Санкт-Петербурга, и от традиций местной политической элиты, не претендовавший на самостоятельную роль и вместе с тем обладавший достаточной властью, чтобы сдерживать амбиции старшины. Со своей стороны, с наделением графским титулом Разумовских в 1744 году казацкая старшина получила фактическое признание своего сословного статуса.

Еще при Петре I выходцы из Малороссии представляли собой влиятельную группу в высшем духовенстве. Вместе с тем они не составляли единой политической силы и

¹⁴ *Белашов В.И.* Правление «Гетманского уряда» в левобережной Украине (1734–1750 гг.) // *История и археология.* 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/08/2336> (дата обращения: 24.04.2017).

примыкали ко всем великороссийским партиям, участвовавшим в дворцовых переворотах. Причину этого следует видеть в разобщенности старшинских родов, боровшихся за власть в Малороссии. При дворе Елизаветы Петровны образовалось несколько центров малороссийского влияния, лидеры которых, как духовные, так и светские, активно покровительствовали другим выходцам из Малороссии, но конкурировали между собой.

Неурегулированность сословного статуса малороссийской старшины затрудняла процесс включения Малороссии в систему экономических и политических связей Российской империи. Характерно, что на этот процесс не влияла смена императоров: он был начат в последние годы царствования Елизаветы Петровны; Петр III 18 января 1762 г. потребовал «всему малороссийскому шляхетству прислать в герольдию списки с точными доказательствами о их шляхетстве и показанием полученных тем шляхетством от польских королей и от российских государей грамот», а завершен он был уже при Екатерине II. Казацкие полковники были приравнены по чину к подполковникам российской армии или к надворным советникам VII класса. Сравнительно невысокие чины поощряли представителей малороссийской старшины к продолжению службы в Великороссии, где их возможности ничем не ограничивались, примерами могут служить князь А.А. Безбородко, граф П.В. Завадовский, семьи Лизогубов, Кандыб, Марковичей. Милорадовичей и др.

В 1764 г. произошло окончательное упразднение должности гетмана. Екатерина II в неофициальном порядке писала: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было; однако ж, и называть их чужеземными и обходиться с ними на таковом же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью, глупость. Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они

обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб и имя гетмана исчезло, не токмо б персона какая была произведена»¹⁵. Введение в Малороссии правления второй Малороссийской коллегии из 4 малороссов и 4 великороссов было смягчено активным вмешательством в системы администрирования и судопроизводства генерал-губернатора П.А. Румянцева. Выросший в Малороссии, Румянецв по отношению к местной элите вел себя благожелательно и дипломатично и завязал дружеские отношения с представителями старшины, не прервавшиеся и после прекращения его полномочий; некоторые из его протеже смогли закрепиться при дворе в Петербурге¹⁶. В 1782 г. в Малороссии были введены общероссийские принципы управления, а в 1785 г. распространено действие Жалованной грамоты дворянству, полностью уравнивавшее положение дворянства.

Обращает на себя внимание практическое отсутствие инструментов воздействия центральных властей на малороссийскую администрацию. Кроме указов императора, Сената и Синода, акторами общегосударственной политики можно считать генерал-губернатора и резидента, однако компетенции первого сводились преимущественно к обеспечению целостности границы и управлению российскими гарнизонами, а возможности второго были ограничены существующей правовой традицией.

Например, в именном указе от 31 января 1734 г., данном резиденту князю А.И. Шаховскому, императрица Ан-

¹⁵ Сборник императорского Русского исторического общества (далее — РИО). Т. VII. СПб., 1871. С. 348 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book482339/#page/386/mode/1up> (дата обращения: 24.04.2017).

¹⁶ *Ohloblin O.* Ukrainian Autonomists of the 1780's and 1790's and Count PA. Rummyantsev-Zadunaysky // *The Annals of Ukrainian Academy of the Arts and Sciences in the U.S.* (New York), 1958. Vol. 6. № 3–4 (21–22). [Электронный ресурс]. URL: http://chtyvo.org.ua/authors/Ohloblyn_Oleksandr/Ukrainian_Autonomists_of_the_1780s_and_1790s_and_Count_PA_Rummyantsev-Zadunaysky_anhl/ (дата обращения: 24.04.2017).

на Иоанновна требовала, чтобы он «секретно ... трудился малороссиян от браков с жителями Смоленщины и с поляками и с другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их и искусным образом приводить их в свойство с великороссийскими»¹⁷. Этот указ рассматривается в украинской историографии как пример русификаторской политики, которую тайно и явно вело правительство, вмешиваясь в частную жизнь своих подданных. Вместе с тем, если оценивать конкретность и реализуемость поставленной задачи, то становится понятно, что никаких средств для ее достижения у резидента не имелось, и изменений в брачной стратегии малороссийской старшины этот указ вызвать не мог *argiori*, не говоря о других юридических последствиях¹⁸.

Правовая и политическая система

Договорная природа отношений гетманата в Российском государством, нарушение условий Переяславского и остальных договоров, «стародавних прав» гетманата — наиболее популярные темы для исследователей политической истории Малороссии XVII–XVIII вв.¹⁹ Безусловно, постепенное сокращение политической автономии региона было выгодно Москве, а затем и Санкт-Петербургу, однако

¹⁷ Именной указ А.И. Шаховскому о принятии секретно искусных мер к побуждению малороссийского народа вступать в свойство с великороссийским народом, а не с смолянами, поляками и другими зарубежными жителями // РИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 86. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book484381/#page/86/mode/1up> (дата обращения: 24.04.2017).

¹⁸ Толкуя указ чрезвычайно расширительно, историки допускают откровенные подтасовки фактов: «В силу действия этого указа из Генерального суда был исключен белорусский шляхтич Пассек» (*Белашов В.И.* Правление «Гетманского уряда» в левобережной Украине).

¹⁹ *Горобець В.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007; *Струкевич О.К.* Політико-культурні орієнтації еліти України-Гетьманщини (інтегральний погляд на питання). Київ, 2002; *Козут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ, 1996; *Лазарев А.Я.* «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине; *Баранова О.В.* Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв.

исследователи обратили внимание на специфику правовой практики Малороссии: в генеральной канцелярии Войска Запорожского отсутствовали важнейшие документы, определявшие базовые принципы взаимоотношений региона и государства.

Так, за 5 лет исчез малороссийский экземпляр Переяславского соглашения 1654 г. Современные украинские и российские историки не сошлись во мнении, что послужило причиной его отсутствия, но на Генеральной раде, которая состоялась после возвращения послов С. Богдановича-Зарудного и П. Тетери, договор не был оглашен. Неизвестно ни одной копии текста, который был подписан в Москве, и реакция гетмана Ю.Б. Хмельницкого и его полковников на пункты договора 1659 г. свидетельствует о том, что они даже не были знакомы с основным документом, определявшим условия вхождения Малороссии в состав России²⁰.

Кроме того, хотя обязанность соблюдения «давних прав и вольностей всего Войска Запорожского и казацкого сословия» записывалась во все договоры с российской властью, полного списка этих самых вольностей не существовало. Малороссийская правовая система включала в себя нормы Литовского статута, Магдебургского, Хелминского, Саксонского и обычного права, а также отдельные установления российского законодательства. Все эти нормы создавались в разных странах в течение столетий, усваивались малороссийской правовой системой на протяжении двух веков, и нередко противоречили друг другу, и были написаны на разных языках. Отсутствие единого кодекса прав и обязанностей было выгодно практически всем сословиям в Малороссии, потому что оставляло небольшую надежду на успех любой тяжбы, но не российской стороне, поскольку затрудняло как апелляционное судопроизводство, так и работу центральных органов власти.

²⁰ Подробно проблема отсутствия текста соглашения 1654 г. см.: Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII-XVIII вв. С. 132–143.

Первый указ с требованием перевода на русский язык малороссийских правовых актов был издан в 1728 г.²¹, но возможностей для созыва кодификационной комиссии тогда не нашлось. Поскольку власть гетмана и старшины базировалась именно на этих неопределенных правах и привилегиях, государство спустя шесть лет собрало группу представителей всех сословий²², и к 1743 году была составлена компиляция под заглавием «Права, по которым судится малороссийский народ»²³. Она не была признана империей в качестве нормативного документа, однако использовалась в повседневной судебной практике гетманата и имела широкое хождение в рукописных списках.

Политические воззрения казацкой старшины нашли свое выражение в так называемом казацком летописании, в которое включается целый пласт хроник, летописей, исторических и публицистических сочинений представителей политической элиты Левобережья на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. Хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, неизвестного автора, называемого «Самовидцем» (очевидцем) и «Летописец» семьи Дворецких были написаны в конце XVII — начале XVIII в.²⁴

²¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. VIII. № 5324.

²² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. IX. № 6540, 6611, 6614, 6837, 6888.

²³ «Права, по которым судится малороссийский народ, Высочайшим всепрестейшия, державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны, Самодержицы Всероссийския, Её императорского священнейшего Величества повелением, из трех книг, а именно: Статута Литовского, Зерцала Саксонского и приложенных при том двух прав, также из книги Порядка, по переводе из полского и латинского языков на российский диалект в едину книгу сведенные, в граде Глухове, лета от рождества Христова 1743 года». Опубликовано А.Ф. Кистяковским в Киеве в 1879 г.

²⁴ Величко С. Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. Киев, 1848–1864. В 4-х т.; Грабянка Г. Действия презельной и от начала поляков кравшой небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана запорожского с Поляки за найяснейших королей польских Владислава, а потом и Казимира, в року 1648 отправоватися начатой и за 10 лет по смерти Хмельницкого неоконченной, с розных летописцов и из диариуша, на той войне писанного... року 1710. Киев, 1854; Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878; Мыцик Ю.А. «Летописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVIII в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 219–234.

В 1730-е — 1750-е гг. была составлена «Краткая история Малороссии», «Опис про Малу Россию» Г. Покаса, хроника генерального обозного Я.Е. Лизогубова и Черниговская летопись²⁵. В 1760-е — 1780-е гг. появились «Краткое описание о козацком малороссийском народе» П. Симоновского, «Краткое историческое описание» И.И. Квитко²⁶. К этим сочинениям примыкают летопись В.Г. Рубана, «Собрание историческое» С.В. Лукомского и анонимное «Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание...»²⁷, составленные немного позднее. Завершает этот ряд «История русов или Малой России» начала XIX в., авторство которой приписывается архиепископу Георгию Конисскому²⁸. Перечисленные произведения пользовались большой популярностью и распространялись в многочисленных рукописных списках. Анализ казацкого летописания середины XVIII в. позволяет получить важ-

²⁵ Краткое описание Малороссии // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 209–321; Покас Г. Опис про Малу Росию // Горбань М. Нариси з історії української історіографії. Харків, 1923. Ч. 1; Летопись или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось в Украине малороссийской обеих строн Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (Лизогубовская летопись) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданных временною комиссиею для разбора древних актов, состоящею при киевском, подольском и волыньском генерал-губернаторе. Киев, 1888. С. 1–70; Летописец в русских и полских що ся деяло строгах и якого року (Черниговская летопись) // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. Т. 1. Киев, 1856.

²⁶ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой — Бишенга, латинской — Безольди, французской — Шевалье и рукописей русских. М., 1847; [Квитка И.И.] Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнением о Запорожских Козаках. М., 1848.

²⁷ Рубан В.Г. Короткое описание Малыя России. СПб., 1777; Лукомский С.В. Собрание историческое // Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 321–374; Краткое летоизобразительное знаменитых и памяти достойных действ и случаев описание // Южнорусские летописи, собранные и изданные Н. Белозерским. Т. 1. С. 45–106.

²⁸ Конисский Г. История русов или Малой России. М., 1846. Это произведение, внешне сохраняющее форму казацких хроник, наполнено принципиально иным содержанием и принадлежит уже к другой культурной традиции, эпохе Просвещения.

ную информацию о процессах, происходивших в элите малороссийского общества того времени. Источники предоставляют возможность оценить уровень оппозиционности авторов политике российского правительства и разработанности концепции развития собственного народа.

Идеальные взаимоотношения общества с государством описываются в летописях как минимальное вмешательство или формальный патронат, которым пользовались казаки в Речи Посполитой до конца XVI в.: «Поляки же ни до них самих (казаков. — С. Л.), ни до их земель, кои им от королей наданы были, ни какова дела не имели, и в правление их никогда не мешались»²⁹. Подобное положение дел якобы было зафиксировано и в договоре Богдана Хмельницкого и царя Алексея Михайловича (как уже отмечалось выше, подлинный текст договора был в Малороссии неизвестен). Главным считалось сохранение института гетманства, не конкретизируемых «старинных прав и привилегий» казацкой старшины, а также особое положение казацкого войска. Соблюдение, хотя бы частичное, этих условий для авторов казацких летописей — залог правильного направления развития малороссийского народа.

Примечательно, что подобные высказывания казацких летописцев XVIII в. полностью совпадают с программой, выдвинутой сторонниками гетмана И. Мазепы: формальный патронат другого государства (Швеции), реальное самоуправление, свободные выборы гетмана при полном соблюдении старинных прав и привилегий старшины. Современная ситуация летописцами не оценивается, в текстах звучат скорбные ноты о гибели Украины, причины которой видятся в истощении украинского народа непосильными поборами и (снова) в ликвидации особого статуса казацкой старшины в Российской империи.

Авторы казацких летописей были, безусловно, верующими православными и сторонниками самодержавной

²⁹ Симоновский П. Краткое описание о козацком малороссийском народе. С. 9.

власти. Образ Богдана Хмельницкого в малороссийской политической идеологии был так важен именно потому, что он был единственным национальным «великим правителем». После смерти Б. Хмельницкого функция «отца и защитника народа» переходит к российским монархам. Во второй половине XVIII в. российские цари и императоры описываются в категориях, присущих любому «просвещенному» монарху, даже в тех случаях, когда их поступки объективно шли вразрез с национальными интересами Украины. То же можно сказать и о характеристиках российских сановников, действовавших на территории гетманата или имевших возможность влиять на малороссийские дела. Представителей малороссийской знати составители казацких летописей наделяют более традиционными чертами³⁰. Вплоть до начала XIX в. вообще отсутствуют какие-либо сравнения и аналогии с иностранными государствами: примеры «правильных» форм правления, государственного устройства, внутренней и внешней политики и т. п. Необходимо особо подчеркнуть, что представители малороссийской элиты были знакомы с западноевропейской политической публицистикой; но воспроизводили, тем не менее, российские образцы.

Рассматривая проблемы, связанные с проявлением антироссийских настроений в среде казацких старшин, следует оговориться, что летописи XVIII в. не могут представить полную и разностороннюю картину. Их авторы занимали достаточно высокое положение в обществе, и явные проявления недовольства или увлечение идеями политического сепаратизма грозили обернуться для них серьезными последствиями.

Оппозиционность казацкой старшины не выходила за рамки очень осторожной критики отдельных действий российских властей, в сетованиях на «несчастную судьбу» ма-

³⁰ Данное утверждение одинаково верно и в том случае, когда политик вызывал и уважение (например, кн. Б.П. Шереметьев и гетман П. Полуботок — в летописи Симоновского), и ненависть (кн. А.Д. Меньшиков, гетман И. Самойлович — в Лизогубовской летописи).

лороссийского народа, «немилосердие» властей и волю Божию, демонстративной лаконичности или детализации в описаниях исторических событий (например, подробное перечисление «обид», нанесенных царским правительством Войску Запорожскому и всему малороссийскому народу).

Характерно, что летописи практически не затрагивали современных событий и не содержали оценок окончательной ликвидации особого положения Малороссии в составе Российской империи или позитивных последствий растущей экономической и политической интеграции, стабилизации внутривластной жизни, ликвидации военной угрозы с запада и с юга. Обращение к событиям времен «казацкой вольницы» для авторов середины XVIII в. стало возможностью обсудить вариант государственного и общественного устройства, отличный от современной им России. Большинство представителей малороссийской политической элиты как внутри Российской империи, так и за ее пределами оказалось в идейном тупике и склонялось к глубоко консервативным взглядам. Собственно, интерес к прошлому Малороссии начал доминировать именно в тот исторический период, когда надежды на ее блестящее будущее угасли.

Со своей стороны, российские власти никак не реагировали на широкое хождение рукописных списков казацких хроник или «Прав, по которым судится российский народ». За «изменническими настроениями» гетманов и старшины внимательно следили и резиденты, и коменданты российских гарнизонов, и представители конкурирующих родов, но пока оппозиционность не вела к явному политическому или военному противостоянию с империей, малороссийская знать не подвергалась репрессиям.

Миграционная политика как способ регуляции интенсивности культурного обмена

Культурный обмен между гетманатом и Великороссией в XVIII в. можно рассматривать как двусторонний, хотя

и с разной степенью интенсивности. Для первой половины века со стороны малороссийских властей характерны проявления политики самоизоляции, в середине века большинство южан осознало новые возможности, связанные с интеграцией в структуры Российской империи и перестало воспринимать приехавших / вернувшихся с севера враждебно. Конец века ознаменовался сменой политических ориентиров: средоточие власти окончательно переместилось в Санкт-Петербург, а Малороссия стала восприниматься как окраина и провинция.

В качестве проводников великорусского культурного влияния можно рассматривать немногочисленных дворян, проходивших службу или приобретающих земли в Малороссии. К сожалению, специальных работ, посвященных истории гарнизонов в малороссийских городах, нет, в историческом обороте имеются только жалобы населения на злоупотребления со стороны военных, однако подобные инциденты были нередки не только в Малороссии.

Великороссы начали приобретать земли после Полтавской битвы. Так, в 1709 г. часть земель, принадлежавших И. Мазепе, была передана А.Д. Меншикову, через год и казаки, жившие на этих землях, переведены князю в «послушание» и с исключением из войсковой службы. После ссылки Меншикова земли были отобраны в казну и управлялись киевским резидентом, а после восстановления власти гетмана они были переданы К. Разумовскому. Крупными землевладельцами в Малороссии были П.П. Шафиров, И.Б. Вейсбах, граф Х.А. Миних, Г. фон Бирон. Поскольку владение ранговыми поместьями было связано с несением службы в Войске Запорожском, приобретение земель великороссами сокращало войсковой земельный фонд, и это вызывало недовольство малороссийской старшины. В 1730 г., «чтоб оттого малороссиянам не было учинено озлобления», Сенат издал постановление, запрещавшее россиянам покупать земли и требовавшее возратить уже купленные во владение полков. Широкого применения этот указ не получил, а практика императорских пожалований мало-

российских земель, по разным причинам приписанным к казенным, продолжалась в течение всего XVIII в.

Великороссы рассматривались малороссийской старшиной как прямые конкуренты, поэтому мигранты воспринимались скорее враждебно. Неслучайно практически без последствий был оставлен указ от 27 февраля 1723 г. «Об объявлении малороссиянинам, что в малороссийские полки назначаются полковники из русских»³¹. Исключениями можно считать тех сановных великороссов, которые использовали свое семейное или служебное положение для того, чтобы лоббировать малороссийские интересы в центральных органах власти, — например, зять гетмана Скоропадского нежинский полковник граф П.П. Толстой.

В контексте культурной политики может быть рассмотрена и практика приглашений отдельных категорий интеллектуальной элиты для службы на территории Великороссии. Малороссы сыграли значительную роль в культурных трансформациях России в XVIII в. Важнейшими из векторов «украинского влияния» следует считать, во-первых, рекрутацию духовенства (монахов, игуменов и архимандритов Киевской митрополии — по императорским указам, распоряжениям Святейшего Синода и личным просьбам архиереев), которые призывались в великорусские монастыри и учебные заведения, а также для службы на флоте. Менее многочисленной, но более влиятельной в культурном отношении была группа преподавателей академий и школьных учителей, которые присутствовали практически во всех учебных заведениях Российской империи XVIII в. Третьей когортой можно считать светских переводчиков и делопроизводителей, которые приглашались как в государственные учреждения (Синод, Сенат, Коллегию иностранных дел, а также в дипломатические миссии), так и на службу к влиятельным частным лицам; со второй половины века студенты старших курсов Киево-Могилян-

³¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. VII. № 4173.

ской академии выезжали для продолжения учебы на медицинский факультет Московского университета и в другие учебные заведения.

Часть мигрантов переселялась в Великороссию в ответ на прямое приглашение, например, от Синода в адрес ректора Киево-Могилянской академии, которое могло содержать просьбу прислать пять годных кандидатов из числа студентов класса богословия или преподавателей из Киева для занятия должностей преподавателей Славяно-Латинской академии в Москве. Или же поступал запрос от Сената в адрес главы Киевской митрополии с просьбой прислать десять монахов для служения на флоте. Необходимо подчеркнуть, что данные приглашения являлись именно просьбой, поскольку неоднократно в них отказывали «за отсутствием годных кандидатов», «за старостью», «за недостатком преподавателей» в самой академии и пр. Отказать могли не только должностные лица Киевской митрополии, но и сами кандидаты «за слабым здоровьем». Особенно часто случались отказы в случае рекрутации в состав духовных миссий на Дальний Восток, для службы в сибирских епархиях или на флоте, особенно в начале XVIII в.

В 1730-е гг. число таких отказов постепенно сходит на нет, выезд уже не воспринимался как ссылка, а как избавление от конкуренции. Карьера в великоросских епархиях осознается как привлекательная, даже в случае определения в опасные заграничные миссии — после возвращения в центральные губернии рядового монаха или иерея ждало повышение по службе. Значительно увеличивается и число выехавших по приглашению частных лиц, в первую очередь, членов императорской семьи и придворных. Кроме студентов и выпускников Киево-Могилянской академии (будущие секретари и учителя) спросом пользовались мальчишки-певчие. Именно так оказался в Санкт-Петербурге А.Г. Разумовский³².

³² Во второй трети XVIII в. значительно возрастает и эмиграция рядовых казаков, горожан и крестьян на юг и юго-восток. Это было связано как со снижением уровня военной угрозы со стороны Османской империи и

Малороссы-архиереи или настоятели монастырей стремились взять с собой, или приглашали сразу после приезда, некоторое количество земляков (администраторов, казначеев, библиотекарей, чтецов, певчих и т. д.), которым они могли доверять и которые обеспечивали привычное окружение. С перемещением патрона на новое место его приближенные иногда теряли свое привилегированное положение, но если новый архиерей / настоятель также был выходцем из Малороссии, оно даже укреплялось. Если должность получал враждебно настроенный великоросс, он мог изгнать клеветников своего предшественника, и они или искали новое место, или возвращались на родину. Даже приблизительная численность этой эмиграции неизвестна, судьба переселенца зависела от многих обстоятельств.

Масштабы обратной миграции были значительно меньше. До середины XVIII в. великороссы и уроженцы Киевской митрополии, служившие за ее пределами, не получали украинско-белорусских или смешанных по этническому составу епархий (т. е. Киевскую, Переяславскую, Черниговскую, Могилевскую, Луцкую, Белгородскую, Смоленскую) и не назначались настоятелями малороссийских монастырей. Это неписаное правило, практически не имевшее исключений в этот период, означало фактическую изоляцию киевского духовенства от ответного воздействия со стороны Великороссии. При изучении мотивации каждого из епископов-малороссов отчетливо заметно настойчивое желание получить именно украинско-белорусский диоцез, однако совокупность представителей высшей церковной элиты блокировала подобные действия. Кроме того, в тех единичных случаях, когда такое назначение происходило, оно вызывало протесты со стороны паствы (наиболее острая реакция последовала на назначение Варлаама Вонатовича на киевскую кафедру после 18 лет пребывания в Великороссии).

Крымского ханства и последовавшего хозяйственного освоения земель Новороссии, северного Причерноморья, акватории нижнего Дона и нижней Волги, так и с усилением эксплуатации в границах гетманата.

Выехавшие получали возможность вернуться на родину только после завершения карьеры. С приближением старости, в случае болезни или при неудачной конъюнктуре мигранты просили власти отпустить их «на покой» в один из киевских монастырей. Если Синод не мог предложить кандидату нового места, такое прошение обычно удовлетворялось. Иногда по прошествии нескольких лет обстоятельства менялись и следовал новый виток великорусской карьеры.

В качестве примера можно привести судьбу Венедикта Голецкого, который в 1739 г. окончил богословский факультет Киево-Могилянской академии и получил место в Киево-Софийском соборе. Спустя неполный год епископ Савва (Шпаковский) пригласил его в Архангельск на должность экзаменатора кандидатов на священнические должности. Голецкий был принят «любовно и честно», и ему была обещана должность архимандрита Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря. Однако спустя всего три месяца епископ Савва был переведен в Коломну, а на Архангелогородскую кафедру был назначен великоросс Варсонофий (Щеныков), который недолюбливал «черкашенинов». В результате конфликта Голецкий, вопреки прямому указанию Синода, был вынужден покинуть монастырь, так и не став его настоятелем, а в мае 1742 г. уже просил об увольнении и назначении нового места. Синод рекомендовал его на должность профессора пиитики (поэзии) в московскую Славяно-Латинскую академию, но, в конце концов, Голецкий вернулся в Киев³³.

Выезд потомков шляхетских и старшинских семей, как уже упоминалось выше, был затруднен из-за неурегулированного сословного статуса, в первой половине века это

³³ См.: Лукашова С.С. Языковая среда в Киево-Могилянской академии в XVIII в. // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 241–258. По поводу судьбы малороссов, выехавших в Тобольск к епископу Филофею (Лещинскому) см.: Фефелова О.А. Деятельность выпускников Киевской Академии в Сибири в XVIII в. // Россия в XXI веке и глобальные проблемы современности. Ломоносовские чтения / Под общ. ред. Л.Н. Пашковой. М., 2006. С. 501–505.

были единичные случаи, связанные со служебной необходимостью (представительство при дворе, Сенате) или статусом заложника. Практика такого рода использовалась как гарантия сохранения лояльности на восточнославянских землях и до Переяславской Рады. В качестве заложников могли выступать представители казацкой старшины, их жены, сыновья и другие родственники. Так Юрий Хмельницкий стал заложником в Бахчисарае в 1648 г., в том же году лисянский полковник Максим Кривонос и наказной чигиринский полковник Михаил Крывается были переданы полякам накануне битвы при Желтых Водах. Во время Полтавской битвы члены старшинских семей гарантировали верность малороссийских полков Петру I. В первой половине XVIII в. при заграничных экспедициях или при угрозе нападения извне (мазепинцев или татар) жен представителей полковой и генеральной старшины сажали под «домашний арест» и для их «освобождения» требовалось разрешение киевского генерал-губернатора.

Кроме заложников «по случаю», в Российской империи практиковалось взятие сыновей знатных старшинских родов в Санкт-Петербург. Сын миргородского полковника Даниила Апостола, ушедшего вместе с гетманом Мазепой в Молдавию, Петр Апостол был взят в Санкт-Петербург и жил в доме князя А.Д. Меншикова, причем получил там дополнительное образование³⁴. Домой он смог вер-

³⁴ Неизвестна дата рождения П.Д. Апостола, поэтому есть разные версии, в каком возрасте он попал в Петербург. В справочнике «Киево-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст: енциклопедичне видання» (Київ, 2001. С. 42) утверждается, что он получил образование в Киеве, А.Л. Лазаревский (*Лазаревський А.Л.* Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. — май 1727 г.) // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 7/8. Отд. 2. С. 100–155) писал, что Петр Апостол обучался вместе с сыном А.Д. Меншикова Александром (1714 г. р.). Исходя из того, что Д.П. Апостол женился в 1677 году, а Петр знал польский язык и латынь и в 1721 году был отцом, по меньшей мере, одного ребенка, скорее всего, он действительно родился в конце XVII в. и обучался в Киево-Могилянской академии. Вместе с тем хорошее знание математики и фортификации указывает на какой-то иной источник знаний, поскольку Академия давала общегуманитарное образование. Возможно, вместе с сыном Меншикова обучался младший брат Петра, Павел.

нуться, только когда в Петербург приехал его отец (и был арестован по делу челобитного посольства П. Полуботка). Екатерина I освободила из Петропавловской крепости представителей старшины (Д. Апостола, Я. Лизогуба, Р. Корицкого, В. Жураковского, М. Милорадовича и др.), но запретила им выезжать из Санкт-Петербурга. Когда Д. Апостол был назначен гетманом, ему на замену выехал младший сын, Павел Апостол, а Петр Апостол, уже в чине лубенского полковника, должен был три года жить в Москве. Поскольку семья доказала свою лояльность, правило выделять заложника с нее было снято, и в 1730 г. Петр Апостол вернулся на родину.

Пребывание в качестве заложника не означало жизнь в лишениях и страданиях. Безусловно, неполноправный статус осознавался, но не воспринимался как плен или оскорбление. В 1670-е — 1680-е гг. для сыновей гетмана И. Самойловича, попеременно живших в Москве, был на казенные средства (600 рублей) куплен двор «с каменным и з деревянным строением». Дети приехали не одни: их сопровождали батурицкий игумен Исаакий, учитель Павел Ясликовский и слуга Иосип Куцкович³⁵. Ежемесячно сыну гетмана выдавалось около 50 рублей в месяц на текущие расходы, еще 30 рублей тратилось на содержание двора. В списке необходимых гетманским сыновьям вещей упоминаются бархат, атлас, сукно, книги и иконы; из еды — перец, шафран, гвоздика, сахар и кардамон³⁶. Когда дочь гетмана Прасковья вышла замуж за князя В.П. Шереметева, необходимость в заложниках отпала, и младший сын Яков Самойлович был отпущен домой, а двор был подарен гетману в качестве официальной резиденции³⁷.

³⁵ *Кривошея В.* Генеалогія українського козацтва: Нариси історії козацьких полків. Київ, 2002. С. 208.

³⁶ *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 191–193.

³⁷ *Кочегаров К.А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 годах. М., 2012. С. 38–39.

Василий Жураковский так же, как и Д. Апостол, был арестован по делу П. Полуботка и после освобождения несколько лет жил под надзором полиции. Когда этот надзор был снят, бывший генеральный есаул не уехал на родину, а остался в Москве, где и пребывал до самой смерти. Петр Апостол, будучи заложником, женился на смоленской дворянке, обзавелся детьми и служил в качестве секретаря у кн. А.Д. Меншикова, выполняя конфиденциальные поручения³⁸.

Наконец, последняя социальная группа малороссов, пребывавшая длительное время на территории Великороссии, — казаки, принимавшие участие в строительстве укреплений Киево-Печерской лавры в 1706–1707 годах, в Петербурге и на Ладожском канале в 1721–1723 годах. В украинской историографии распространено мнение, что эти земляные работы были чуть ли не проявлением «планомерного геноцида в отношении украинцев». Согласно современным исследованиям, число погибших на строительных работах было не столь велико³⁹, казаки трудились там наравне с российскими драгунами и крестьянами, а значительное число откомандированных представителей старшины вообще не появлялись на стройке⁴⁰. В любом случае рекрутация казаков на строительство носила эпизодический характер и не может рассматриваться как проявление репрессивной политики в отношении народа Малороссии.

³⁸ Козут З. Коріння ідентичності. С. 413.

³⁹ Важнейшими факторами смертности было «моровое поветрие» — эпидемия, случившаяся в 1721 году, а также повальное пьянство — следствие большого числа трактиров, поставленных в зоне строительства. Возвращение изодранных, нищих казаков воспринималось их семьями как свидетельство непосильного рабского труда (См.: Лукашова С.С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII в. // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 37–52).

⁴⁰ Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра. СПб., 1999. С. 78–81; Лукашова С.С. Канальные работы Петра I в зеркале российско-украинских отношений начала XVIII в.; Андреева Е.А. Петербург — «город на костях»? // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 29–40.

Языковая политика: русский язык в Малороссии, малороссийский в России

В современном общественном сознании отношение властей Российской империи к украинскому языку является достаточно политизированной темой, в прессе, интернет-публикациях и научно-популярных изданиях постоянно перечисляются репрессивные меры российского правительства. В числе карательных мер рассматриваются: указ Петра II о переводе постановлений и распоряжений гетманской канцелярии с «простой мовы» на русский язык (1729 г.); указ, запрещающий использование «простой мовы» в стенах Киево-Могилянской академии (1753 г.), а также целая серия указов Петра I, а затем и Святейшего Синода, которые были направлены против изданий книг на «простой мове» или с малоруссизмами. При этом не проводятся параллели с Западной Европой, в которой в XVIII в. происходили сходные процессы вытеснения региональных языков и диалектов на периферию общественной жизни⁴¹.

Сложность в оценке языковой ситуации в Малороссии состоит в том, что в XVIII в. на ее территории постоянно использовались три письменных языка: церковнославянский, «проста мова» (синонимы: староукраинский, западнорусский письменный язык, канцелярский язык восточных славян, руська мова, рутенская мова, русинский язык, rusènc kalba, język ruski) и (велико)русский. Церковнославянский был языком богослужения, кроме того, на нем были написаны все книги, относящиеся к культурному наследию восточнославянских народов, и в этом смысле он служил маркером принадлежности к просвещенному сословию и сугубо православной образованности. «Проста мова» была

⁴¹ См., например: *Клоков В.Т.* Современный взгляд на развитие французской языковой политики. Часть II // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-razvitiie-frantsuzskoy-yazykovoy-politiki-chast-ii> (дата обращения: 31.05.2018).

языком делопроизводства и выполняла функции литературного языка, активно развивавшегося с XVI в. В ходе постепенного сокращения автономии Малороссии в составе империи «проста мова» неизбежно вытеснялась в бытовую сферу, в XVIII в. она уже не могла соперничать с русским языком даже в границах гетманата⁴².

В начале XVIII в. Киево-Могилянская академия была единственным высшим учебным заведением в России. Московская Славяно-Латинская академия не составляла ей конкуренции ни по численности учеников, ни по количеству преподаваемых дисциплин. Как уже говорилось выше, в условиях острого дефицита квалифицированных кадров любой, даже не окончивший полный курс обучения, выпускник воспринимался как желанный кандидат для пополнения вакансий Посольского приказа, Сената и Синода.

Современная украинская официальная историография настаивает, что Киево-Могилянская академия являлась центром формирования национального самосознания и украинской культуры, и «украинский язык» был включен в программу обучения еще в конце XVII в. Не затрагивая вопрос о том, насколько «проста мова» является синонимом украинского языка, следует признать, что даже в условиях отсутствия специальных курсов по этому предмету⁴³ академическое образование способствовало ее развитию. Во-первых, в академию принимались только дети, уже умевшие читать и писать, естественно, в большинстве своем на «простой мове», во-вторых, она активно использовалась на младших курсах в процессе обучения другим языкам. На-

⁴² М. Мозер утверждает, что после 1765 г. на Левобережной Украине практически отсутствуют официальные документы, составленные на украинском языке, см.: *Мозер М. Причинки до історії української мови*. Харків, 2008. С. 302. Следует отметить, что Мозер ограничивает время существования «простой мовы» XVII веком, а язык XVIII в. уже называет украинским, хотя не показывает ни различия между этими языками, ни процесс трансформации.

⁴³ Утверждение З.И. Хижняк о том, что «просту мову» изучали в Киево-Могилянской академии по церковнославянской грамматике Мелетия Смотрицкого, следует считать явной ошибкой, см.: *Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия*. Киев, 1988. С. 78.

конец, в ходе обучения поэзии⁴⁴ и риторике студенты учились писать произведения «среднего стиля» (элегии, драмы, сатиры, эклоги, дружеские сочинения) на «простой мове», или ее смеси с церковнославянским, и низкого (комедии, интермедии, песни, басни) — на разговорном языке.

Студенты обучались составлению художественных прозаических и стихотворных текстов и деловой документации, а также правилам ведения переписки. Кроме того, учащиеся совершенствовали свои навыки, принимая участие в школьных спектаклях (открытых для широкой публики) и зарабатывая деньги на существование самостоятельными театрализованными представлениями, репетиторством, выполнением обязанностей церковнослужителей и т. д.⁴⁵ Таким образом, они обучались не языку как таковому, а всем видам деятельности на этом языке.

Изучение собственно русского (великорусского) варианта языка также не предусматривалось. Хотя Феофан Прокопович требовал вводить великорусские образцы в учебный план курса поэзии⁴⁶, однако русский язык был введен в учебный план на постоянной основе только с 1765 г. Удельный вес русских поэтических образцов среди произведений латинских, польских и малороссийских авторов зависел от личных предпочтений действующего профессора пиитики, но в течение XVIII в. он неуклонно возрастал. Переломным периодом в истории обучения русскому языку в Киево-Могилянской академии стало правление императрицы Елизаветы Петровны, которая в 1744 г. лично посетила Киев и продемонстрировала студентам блестящие перспективы великорусской карьеры. Другим значимым фактом стало

⁴⁴ В учебнике по пиитике Георгия (Конисского) 1740 г. был введен целый раздел, посвященный малороссийской поэзии, см.: *Хижняк З.И.* Киево-Могилянская академия. С. 88–89.

⁴⁵ *Дзюба Е.М.* Українці в культурному житті Росії XVIII ст.: причини міграції // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 178.

⁴⁶ *Лужный Р.* «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (первая половина XVIII в.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/07_tom_XVIII/Luzhniy/Luzhniy.pdf (дата обращения: 29.05.2018).

творчество М.В. Ломоносова, в частности издание им «Риторики» и «Российской грамматики»⁴⁷, в которых соответствующие учебные курсы излагались на русском языке, а также сборников стихов⁴⁸, ставших образцами для обучения основам русской поэтики.

В административном отношении Киево-Могилянская академия подчинялась киевскому архиерею, а с 1721 г. — и Святейшему Синоду. В программу образования Синод практически не вмешивался, и система преподавания языков не стала исключением. Таким образом, на протяжении первой половины XVIII в. правительственные органы Российской империи не только не возражали против изучения польского языка, который не был востребован в условиях империи, но и не требовали изучения современного им великорусского языка. Только в 1765 г. последовало распоряжение о сближении программы обучения в Академии с университетскими, в частности, предполагавшее введение преподавания русского языка по правилам Санкт-Петербургской академии наук. Насколько этот курс служил инструментом русификации, может свидетельствовать распоряжение киевского митрополита Самуила (Миславского) 1784 г. о том, чтобы преподаватели следили за соблюдением чистоты «выговора» и «правописания» великорусской речи⁴⁹. И в конце XVIII в. эта проблема продолжала оставаться актуальной.

Если в первой четверти XVIII в. подобную невзыскательность со стороны государства можно отнести на счет неразберихи, вызванной бурной преобразовательной деятельностью Петра I, то благожелательное отношение ко всему малороссийскому в середине века было обусловлено личными предпочтениями императрицы Елизаветы Петровны.

⁴⁷ Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. СПб., 1748; Ломоносов М.В. Риторика. СПб., 1748; Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

⁴⁸ Ломоносов М.В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. СПб., 1751, 1757–1759 и др.

⁴⁹ Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського. Ф. 301. Оп. 751л. № 35. Арк. 131–133.

Ограничения в употреблении «простой мовы» касались лишь книгоиздательской деятельности⁵⁰. Так, указы предписывали, чтобы в книгах, печатаемых на церковнославянском языке и предназначенных для продажи в том числе и в Великороссии, соблюдались «орфография, сиречь правописание и правоверие великороссийское правильное»; чтобы «никакой розни и особого речения не было», а «малороссийские примрачные (непонятные, темные по смыслу. — *С. Л.*) речения» следовало заменять «обыкновенными». Некоторые историки в этих ограничениях видят дискриминационные меры в отношении украинского языка. Противоположной точки зрения придерживается, например, А. Даниленко, утверждающий, что в отличие от Правобережья, «проста мова» на Левобережье не подвергалась давлению со стороны государственной власти⁵¹. Следует подчеркнуть, что меры по ограничению использования языка вводил Синод, в составе которого большинство составляли выходцы из Малороссии, а контроль над соблюдением единства орфографии также был возложен на выпускника Киево-Могилянской академии архимандрита Гавриила (Бужинского).

Запрет издания книг на «простой мове» обусловлен в большей мере не русификаторской политикой властей, а теорией литературных жанров того времени. В Киево-Могилянской академии была принята западноевропейская концепция разделения жанров на высокий, средний и низкий, каждый из которых традиционно соотносился с разными языками⁵². «Проста мова» не могла использоваться для произведений высокого стиля (богословские трактаты,

⁵⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. VI. С. 244, № 3653.

⁵¹ *Danylenko A.* The formation of new standard Ukrainian. From the history of an undeclared contest between Right- and Left-Bank Ukrainian in the 18th c. // *Die Welt der Slaven.* В. 53 (1). S. 42–115.

⁵² Эту теорию за время обучения воспринял и М.В. Ломоносов, позднее изложив ее в работе: *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. В 11-ти тт. М.; Л., 1983. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 589–590.

проповеди, богослужebная литература), именно поэтому малоруссизмы тщательно вычищались из книг церковной печати, изданных в Киеве и Чернигове. Кроме того, любое отклонение от канонического текста в православной догматике воспринималось очень болезненно, правительство не было готово к повторению внутрицерковного конфликта, аналогичного старообрядческому, из-за «не во всем с великороссийскими сходных» книг.

Наконец, потенциал великорусского книжного рынка того времени был значительно выше, однако, чтобы читатель российской глубинки мог понять печатный текст, требовалось, чтобы этот текст был напечатан без использования полонизмов или малоруссизмов. Само число регулярно издававшихся постановлений Синода на эту тему показывает, что проблема оставалась неразрешенной на протяжении всего XVIII в.

Запрет на использование устного «малороссийского наречия» касался бытового общения студентов и преподавателей Киево-Могилянской академии во внеучебное время и был наложен киевским митрополитом Рафаилом (Заборовским) 7 октября 1734 г., но не в пользу русского языка, а для того, чтобы вынудить студентов успешнее изучать латынь. Таким образом, придворные круги Российской империи, Сенат и Синод не стремились ни русифицировать молодых представителей интеллектуальной элиты гетманата, ни облегчить им начало карьеры в Великороссии.

Переселяясь в великорусские земли, выпускники Киево-Могилянской академии сразу же обнаруживали, что их разговорный язык и книжная «проста мова» очень отличаются от языков, на которых общается, ведет переписку и частично деловую документацию местное население, и знания церковнославянского языка оказывалось недостаточно.

Свидетельства этого можно увидеть, например, в отзывах на квалификационные работы будущих переводчиков Коллегии иностранных дел. В таких отзывах регулярно указывалось, что в знании иностранного (польского или

немецкого) языка кандидат «изряден», но его русский письменный язык нуждается в дальнейшем совершенствовании. Например, в отношении экзаменуемого Г. Полетики В. К. Тредиаковский отмечал, что «российский язык его есть по большей части в переводе диалект малороссийский»⁵³. Таким образом, даже желавшие выехать выпускники академии были не вполне готовы к осуществлению карьеры в Великороссии.

Аналогичная ситуация складывалась в отношении выпускников высшего, богословского, факультета. Тексты проповедей архиереев подлежали обязательному изданию, и издательские корректуры у недавно назначенных архиереев-малороссов пестрели замечаниями справщиков Печатного двора, отмечавших отступления от великорусской языковой практики⁵⁴. Характерно, что корректоры часть замечаний устраняли сами, но исправления малоруссизмов всегда согласовывались с автором.

Часть духовных лиц в течение нескольких лет службы в Великороссии перенимала привычки своего окружения, так П.И. Житецкий указывает, что в проповедях ростовского епископа Дмитрия (Туптало) малорусские обороты исчезли только спустя 9 лет после хиротонии⁵⁵.

Языковая ассимиляция происходила с разной степенью успешности, например, диакон Стефан Васильевич Савицкий, окончивший академию в 1738 г., уже через год после переезда в Санкт-Петербург писал проповеди как великоросс, но некоторые иереи продолжали настаивать на использовании именно малорусских вариантов. Например, еп. Симеон (Годорский) считался знатоком языков, в Киеве преподавал

⁵³ Цит. по: *Дзюба Е.Н.* Переводческая деятельность воспитанников Киевской академии (XVIII в.) // *Культура и общественные связи Украины со странами Европы.* Киев, Одесса, 1990. С. 66.

⁵⁴ *Kislova E.I.* Ukrainian pronunciation of the 18th-century Russian clergy // *Beitraege der Europaeischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)* Т. 17. 2014. P 84–91. [Электронный ресурс]. URL: http://ekislova.ru/wp-content/uploads/2009/07/P17_kislova_Eng.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

⁵⁵ *Житецкий П.И.* К истории литературной русской речи в XVIII веке // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.* 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 15–16.

немецкий и иврит, а также читал курсы по поэтике и богословию на латыни. Однако и после двух лет пребывания при дворе он требовал от справщиков Печатного двора оставить малоруссизмы в печатном тексте его проповедей⁵⁶.

Выговор Симона Тодорского также вызывал насмешки у его недоброжелателей, в частности великого князя Петра Федоровича, однако епископ, чувствуя поддержку со стороны императрицы Елизаветы Петровны, не считал нужным его менять и без малейшего стеснения произносил публичные речи, в том числе и во время церемонии бракосочетания наследника престола⁵⁷.

Именно «высочайшая поддержка» ввела в моду малороссийский выговор при дворе. Другим каналом языкового влияния следует признать церковную среду. Хотя речь новопоставленных иереев не всегда была понятна пастве, число мигрантов было достаточно велико, и они занимали привилегированное положение. А.П. Сумароков свидетельствовал: «Знатнейшие наши духовные были ко стыду нашему только одни Малороссиянцы, почти до времен владеющей нами самодержицы (то есть Екатерины II. — С. Л.): от чего все духовные слепо следуя их неправильному и провинциальному наречию вместо во веки и протч. говорили во вики и так далее...»⁵⁸.

Еще одним каналом распространения малороссийского влияния была система образования. Киево-Могилянская академия готовила профессорско-преподавательский состав для других училищ и школ, ее выпускники работали практически во всех образовательных учреждениях России XVIII в. По воспоминаниям учеников казанской школы, учителя говорили с отчетливым малороссийским акцентом и требовали, чтобы ученики повторяли их выговор. Таким образом, можно констатировать, что внутри отдельных со-

⁵⁶ *Kislova E.I.* Ukrainian pronunciation of the 18th-century Russian clergy.

⁵⁷ Записки императрицы Екатерины. М., 1989. С. 48–49.

⁵⁸ *Сумароков А.П.* О правописании. [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0280oldorfo.shtml (дата обращения: 21.09.2017).

циальных групп в Великороссии «малороссийский» язык имел относительно широкое распространение.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» утверждал, что существуют три «главных российских диалекта: ... московский, северный и украинский»⁵⁹, преимущество признавал за московским и не внес в свой учебник ни звуковые, ни лексические, ни морфологические особенности «украинского диалекта». Ломоносов ни разу, видимо с оглядкой на «высочайшую поддержку», не назвал неправильными или ошибочными нормы «украинского диалекта», однако настаивал на том, что говорить и писать следует «чисто Российским языком».

Хотя малороссийский акцент и провоцировал проявления бытового национализма, особенно в российской глубинке, масштабы этой проблемы не вызывали тревоги у духовных и светских властей Российской империи. Отрефлексируемые современниками языковые различия между великороссами и малороссами относились преимущественно к сфере устного языка. С развитием отечественного языкознания и разработкой норм литературного русского языка государство предприняло меры по корректировке образовательной программы в Киево-Могилянской академии и по соблюдению «языковой чистоты», но эти меры относятся уже к истории XIX века.

Имперская церковь глазами малороссийских архиереев

Культурная политика на институциональном уровне не могла обойти своим вниманием церковь. С 1684 г. Киевская митрополия вошла в состав Московского патриархата, но уже с середины XVII в. можно констатировать неуклонное нарастание влияния «киевлян» на Русскую православную церковь. Некоторые исследователи считают, что именно желание сблизить обрядовую и богослужебную

⁵⁹ Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Сочинения. В 8-ми тт. Т. 4. СПб., 1898. С. 52.

практику Москвы и Киева привело патриарха Никона к необходимости осуществления церковной реформы⁶⁰.

Численность и роль выходцев из Киевской митрополии в XVIII в. были обрисованы в фундаментальной монографии К.В. Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (Киев, 1914), однако в их взаимодействии с великороссами осталось много нерешенных вопросов. Во-первых, обширные хронологические рамки не позволили автору сосредоточиться на специфике более мелких исторических периодов, хотя очевидно, что имелись существенные различия в степени взаимопроникновения культур в периоды правления Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Во-вторых, как видно и из названия работы, Харлампович исследовал именно малороссийское влияние на Русскую православную церковь, но не обратный процесс.

Эти же недостатки можно отнести и к большинству современных исследований по истории Русской православной церкви в XVIII в., отечественных и зарубежных. Редкое исключение представляют собой исследования В.М. Живова, рассматривающие преобразования Петра I в контексте церковной политики царя Алексея Михайловича и деятельности патриархов Никона, Иоакима и Адриана. На основании материала исследователю удалось аргументированно опровергнуть устоявшийся стереотип о том, что стремление Петра I заполнять вакантные церковные должности выходцами из Киевской митрополии было продиктовано высоким уровнем образованности малороссийского духовенства или близостью последнего к европейской культуре⁶¹, но, прежде всего, отсутствием у него проч-

⁶⁰ Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). С. 169, 170.

⁶¹ Ср.: «Особые надежды возлагались на тех, кто обучался в западноевропейских образовательных учреждениях» (Харшин М., Мордвинцев В. Російське самодержавство та Київська митрополича кафедра, або як Українська православна церква позбулася автокефалії. Київ, 1999. С. 201); «Украинское духовенство стало культурным мостком между

ных социальных связей в великорусских епархиях. Этот социальный вакуум делал из малороссийских игуменов и архиереев послушных исполнителей воли императора⁶².

Проблемой является отношение центральных светских и духовных властей по отношению к Киевской митрополии и киевскому православию⁶³ в целом. В дореволюционной русской историографии не признавалась специфика киевского православия, ее самоценность по отношению к великорусским обычаям и нормам, а существование различий и даже антагонизма между малороссийским и великороссийским духовенством отрицалось или переводилось на уровень исторических анекдотов. Это привело к тому, что оценки деятельности центральной власти колебались от «устранения недочетов» до «унификации» и были, безусловно, позитивными⁶⁴.

Украинская национальная историография также последовательно говорит о «русификации» и «денационали-

Московской Русью и Западною Европой, по которому эпоха “просвещенного абсолютизма” распространилась и на отсталую Московию» (Євсева Т.М. Роль церковної еліти у формуванні політичної самосвідомості українців XVII–XVIII століть // Український історичний журнал. 1999. № 2. С. 102).

⁶² Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследование и материалы. М., 2004. С. 43, 45, 125.

⁶³ Говоря о «киевском православии», имеются в виду особенности богослужения, паралитургических практик, административного управления и церковной жизни в целом, сложившиеся в Киевской митрополии и отличавшиеся от традиций великорусских епархий. Автор предпочитает не пользоваться термином «украинская национальная церковь», во-первых, поскольку духовенство себя не называло «украинцами», а «малороссами», а во-вторых, понятие «национальная церковь» включает в себя осознание ее членами, в первую очередь духовенством, внутреннего единства и своей «инакости» по отношению к другим представителям той же конфессии. Разделяло ли духовенство XVIII в. подобные представления, еще предстоит выяснить.

⁶⁴ Титлинов Б.В. Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной Церкви. Вильно, 1905; Веделянин П. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5–7; Климов М. Постановление по делам православного духовенства и Церкви в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1902; Беликов В. Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в Обществе любителей древней письменности. 1874–1875 и др.

зации»: «Постепенное, но неуклонное отсекаание живых национально-церковных особенностей православной церкви на Украине и превращение ее в унифицированное территориальное подразделение правительствующей Русской православной церкви»⁶⁵. Таким образом, взаимоотношения между «киевским православием» и Россией последовательно описываются в рамках оппозиции гонители — гонимые: самодержавно-синодальные власти — Киевская митрополия. Вместе с тем никак не комментируется тот факт, что спустя очень непродолжительное время после выезда за пределы гетманата «гонимые» становятся той самой «центральной церковной властью» и превращаются в русификаторов и «гонителей украинского православия».

Характеризуя церковную политику Петра I, следует подчеркнуть, что он стремился к полному обновлению епископата, но если раньше только кафедры Киевской митрополии и примыкавшая к ним Смоленская заполнялись местными уроженцами, то теперь малороссы назначались и в великорусские диоцезы⁶⁶. Решающее значение придавалось соответствию мировоззрения кандидата духу церковных реформ Петра I, от чего и зависела будущая карьера архиерея или игумена, вне зависимости от его происхождения.

Вместе с тем нельзя сказать, что Петр осуществлял «малороссизацию» Русской православной церкви. Более половины «киевлян» — номинантов на великорусские епархии имели опыт настоятельства или насельничества в русских монастырях. В дальнейшем эта тенденция будет неуклонно нарастать, и число епископов, не прошедших процесс адаптации к великорусским принципам и традициям церковной жизни, сократится до нуля.

⁶⁵ Історія православної церкви в Україні. Збірка наукових праць / Відп. ред. П. Яроцький. Київ, 1997. С. 158–159; Українська церква між сходом і заходом / Відп. ред. А. Колодний. Київ, 1996. С. 110 і др.

⁶⁶ Лукашова С.С. Малороссийские архиереи русской православной церкви в 1700–1771 годах // Русские об Украине и украинцах. Очерки. СПб., 2012. С. 69–121.

В период дворцовых переворотов не произошло радикальных изменений церковной политики по сравнению со временем Петра I. Созданная им модель имперской церкви оказалась достаточно жизнеспособной и готовой к развитию даже в условиях частой смены власти и отсутствия единства во взглядах на государственные приоритеты. Эволюция новой модели церкви проявилась в ее бюрократизации, установлении баланса между внутрицерковными группировками, великорусского и малорусского духовенства в них, а также в сближении церковной политики в отношении малороссийских и великорусских епархий при сохранении привилегированного статуса Киевской митрополии в числе диоцезов Русской православной церкви.

Несмотря на то, что три четверти архиерейских назначений Елизаветы Петровны относилось к выходцам из Киевской митрополии, ее церковную политику нельзя считать ни *про*-малороссийской, ни *анти*-великорусской. Императрица минимизировала свое воздействие на процесс церковных назначений, что и привело к упрочению положения, а затем и доминированию одной внутрицерковной группы, консолидация которой способствовала установлению ее моноэтничности. Однако в конце жизни Елизавета компенсировала возникший дисбаланс, восстановив примерное равенство малороссийских и великорусских архиереев.

Экономическая и социальная интеграция в империю, оказывавшая ощутимое воздействие на общественное сознание населения Малороссии с 1720-х гг., привела к повышению притягательности великорусской карьеры для киевского духовенства и способствовала формированию общегосударственного, общеимперского самосознания, которое начинает постепенно вытеснять региональную и этнокультурную идентичность. Вместе с тем этническая компонента не была окончательно нивелирована и отчетливо осознавалась как самими малороссийскими архиереями, так и великорусскими светскими и духовными властями. Например, в случае обострения отношений выходцы из Киевской митрополии повсеместно обзывались «черкаса-

ми», «обливанцами» или «ляшенками» (от «лях» — поляк), ср.: «...в Синоде все дураки, поляки»⁶⁷.

Екатерина II реализовала тенденции, намеченные в предшествующий период и завершила формирование внутренней структуры имперской церкви. Необходимо особо подчеркнуть, что осуществленная в 1764 г. реформа церкви и разделение всех диоцезов и монастырей на классы (от первого до третьего) не затронули заграничную Могилевскую епархию и малороссийские, т. е. Киевскую, Переяславльскую, Черниговскую. В них реформа не проводилась (и, с точки зрения епископата, они оказались в привилегированном положении⁶⁸). Фактически это было последним признанием де-факто особого статуса киевского православия в составе Русской православной церкви, однако никаких официальных разъяснений, чем эти епархии отличаются от других, сделано не было. Все епархии со смешанным населением были приравнены к чисто великорусским, и все они были отнесены к низшему, третьему, классу.

Имеющаяся статистика опровергает предположение о резкой смене кадровой церковной политики Екатерины II по сравнению с предшествующим периодом, особенно с последними годами царствования Елизаветы Петровны, или о принципиальном предпочтении ею великороссов перед малороссами. Императрица не занималась и вытеснением малороссийских архиереев на периферию церковной власти путем их перевода из влиятельных на провинциальные епархии, однако она отменила действовавший ранее режим максимального благоприятствования, что было бо-

⁶⁷ Харлампович В.К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 472. Наименование духовных лиц, тем более архиереев, «черкасами» звучало оскорбительно, поскольку в российском делопроизводстве XVII — начала XVIII в. так называли представителей казачьего сословия.

⁶⁸ Секуляризация, естественно, не могла быть проведена на землях Могилевской епархии, входивших в состав Речи Посполитой. Реформирование малороссийских епархий началось в 1786 г. Вопрос о том, насколько реформа была в действительности выгодна духовенству, остается за рамками данной работы.

лезненно воспринято выходцами из Киевской митрополии. В третьей четверти XVIII в. была завершена подготовка к полной интеграции малороссийских кафедр в состав Русской православной церкви.

На протяжении XVIII в. архиереи-малороссы представляли собой многочисленную и влиятельную силу: их число составляло около 60 % списочного состава епископата, они постоянно занимали большинство мест в высших церковных органах власти, в первую очередь в Святейшем Синоде. Сближению мало- и великороссов способствовала политика отбора и подготовки кандидатов на замещение вакантных кафедр, которая включала в себя успешную адаптацию в великорусских монастырях, постепенное снижение возраста кандидата, а также формирование стандартного набора требований, предъявляемых к будущим архиереям вне зависимости от их происхождения.

Вхождение Киевской митрополии в Русскую православную церковь произошло в результате длительного ненасильственного процесса, включавшего в себя обсуждение и нивелирование расхождений в обрядности и богословии, демонстрацию преимуществ великорусской карьеры и предоставление режима максимального благоприятствования малороссийскому духовенству.

Светские власти признавали особый статус территорий, входивших в состав Киевской митрополии и населенных малороссами, и не стремились ускорить их интеграцию. Первоначально эта интеграция протекала несимметрично и означала безвозвратный выезд наиболее активной части духовенства за пределы митрополии. Со временем, в условиях интенсификации экономических и культурных взаимодействий между регионами, политика самоизоляции Киевской митрополии смягчается. В этих условиях богослужебные, языковые и пр. особенности киевского православия стали расцениваться сначала выехавшими в Великороссию, а затем и самими жителями Малороссии как создающие препятствия успешной карьере.

Представители малороссийского духовенства исключительно редко говорили о различиях между двумя московской и киевской моделями православия⁶⁹, практически единственным исключением являются документы, выработанные на киевском соборе 1685 г. и переданные затем патриарху московскому Иоакиму⁷⁰. В первом списке из 8 пунктов заявлено о необходимости соблюдения особых «вольностей, судов и прав» киевской кафедры, но целиком он сводится к сохранению фактической автокефальности, и только один пункт может быть отнесен и к иному пониманию экклесиологии (сохранение принципа свободной выборности Киевского митрополита).

Во втором списке из 17 пунктов⁷¹ три могут свидетельствовать об особой организации церковной жизни: более низкий уровень церковной дисциплины⁷² и неподсудность духовных лиц светскому суду⁷³, а один пункт может быть расценен как несколько иные эсхатологические представления⁷⁴. Последние три пункта свидетельствуют о расхождении в обрядовой практике с русским православием: острое неприятие, как у духовенства, так и у простых верующих, вызывали церковные службы и пение «по-московски», книги московской печати, а также обязанность крестить детей только погружением, к чему священники настолько непривычны, что даже по неосторожности топят младенцев⁷⁵. Таким образом, большая часть специфики

⁶⁹ Лукашова С.С. Киевское православие и Русская православная церковь в XVIII в. // Текст славянской культуры. К юбилею Л.А. Софроновой. Сборник статей. М., 2011. С. 460–474.

⁷⁰ Письмо Арсения, митрополита Белгородского к патриарху Иоакиму от 8.08.1685 г. // Архив Юго-западной России. Ч. 1. Т. 5. Киев, 1872. С. 59–61.

⁷¹ Нарушения старинных принципов управления епархией, которые были допущены после перехода Белгородского диоцеза под юрисдикцию Московского патриарха.

⁷² Осуждение введенных запретов на служение духовенства без отпускной грамоты и на произвольное увольнение приходским священников своего викария (Там же. Пп. 8, 11).

⁷³ Там же. П. 10.

⁷⁴ Осуждение штрафа пользу митрополита с родственников умерших внезапной смертью. Там же. П. 7.

⁷⁵ Там же. Пп. 15–17.

киевского православия сводилась к административно-правовой, а не к богословской сфере жизни церкви.

В XVIII в. малороссийское духовенство уже не озвучивало расхождения между киевским и московским православием и не демонстрировало особой приверженности именно киевской модели, напротив, именно оно было инициатором мер по интеграции Киевской митрополии в общероссийское пространство и унификации церковной жизни: архиепископ Феофан (Прокопович) в «Духовном регламенте» требовал перепроверить содержание малороссийских акафистов на соответствие православному вероучению, митрополит Самуил (Миславский) — читать проповеди в церквях «голосом, свойственным российскому наречию» и т. д.

Восемнадцатый век в истории Русской православной церкви — это период превращения церкви национальной, церкви русских, в церковь российскую. Преодолению русского этноцентризма и представлений об этнической исключительности способствовали выходцы из Малороссии, которые формировали образ и структуру этой новой имперской церкви.

* * *

Оценивая политику Российской империи в отношении Малороссии, следует учитывать, что, с одной стороны, империя в целом обладала огромным потенциалом, несопоставимым с ресурсами одного региона, с другой — политические, экономические и культурные реформы XVIII века в России проходили в направлении вестернизации.

Российской империи было выгодно постепенное сокращение автономии Малороссии. Вместе с тем на функционирование административного аппарата оказывало влияние как борьба группировок казацкой старшины за власть, так и несовершенство политической и правовой систем гетманата, которые провоцировали нестабильность работы органов исполнительной и судебной власти, а зачастую и прямо требовали вмешательства Санкт-Петербурга.

Центральные власти империи не форсировали интеграционные процессы и допускали возвращение правовых институтов в целях сохранения общественного порядка, поскольку уровень образованности в гетманате был выше, чем в центральных областях России, не говоря о глубинке или новоприсоединенных территориях, малороссийская культура на протяжении XVIII в. оказывала существенное влияние на Русскую православную церковь и связанные с ней области духовной жизни — иконопись, архитектуру, музыку, а через нее и на сферу образования, литературу, общественно-политическую мысль. В них Малороссия была не объектом великороссийской государственной политики, но выступала как равноправный партнер.

Вместе с тем воздействие было амбивалентным, и выходцы из Малороссии, вошедшие в имперскую элиту, способствовали дальнейшей интеграции гетманата в состав империи. Зачастую представители центральных и региональных властей были носителями одной и той же культурной традиции, а различия в их взглядах были обусловлены разным объемом власти.

До тех пор, пока существовал разрыв в культурном уровне малороссийской и великорусской интеллектуальной элиты, центральные власти демонстрировали толерантность в отношении региональной специфики, в первую очередь, использования «украинского диалекта», а также в реакции на автономистские политические настроения. Со временем в России сформировалась новая элита, напрямую обращающаяся к западноевропейским научным и культурным достижениям. Роль Малороссии как посредника и культуртрегера сократилась, и к XIX в. она постепенно превратилась в одну из окраин империи.

Неурегулированность сословного статуса малороссийской старшины затрудняла процесс включения Малороссии в систему экономических и политических связей Российской империи.

Культурный обмен между гетманатом и Великороссией в XVIII в. можно рассматривать как двусторонний, хотя

и с разной степенью интенсивности. Для первой половины века со стороны малороссийских властей характерны проявления политики самоизоляции, в середине века большинство южан осознало новые возможности, связанные с интеграцией в структуры Российской империи, и перестало воспринимать приехавших / вернувшихся с севера враждебно. Конец века ознаменовался сменой политических ориентиров: средоточие власти окончательно переместилось в Санкт-Петербург, а Малороссия стала восприниматься как окраина и провинция.